

МАЙ МИТУРИЧ.
ПУТЕШЕСТВИЯ
НА ВОСТОК

Министерство культуры Российской Федерации
Государственный музей Востока
Астраханская государственная картинная галерея имени П.М. Догадина
Собрание семьи художника

Печатается по решению редакционно-издательского совета
Государственного музея Востока

Светлана ХРОМЧЕНКО

МАЙ МИТУРИЧ. ПУТЕШЕСТВИЯ НА ВОСТОК

Май Митурич – это имя связывается, прежде всего, с замечательными иллюстрациями к детским книгам Чуковского, Маршака, Бианки, Барто, Киплинга и многих других авторов¹. Их сюжеты для Мая Митурича были поводом к созданию превосходных рисунков, наполненных глубоким смыслом и нежной добротой. Они, несомненно, из сферы «большого» искусства и только отчасти предназначены для детей. В сущности, и «детские» тексты Чуковского, Маршака, Киплинга точно также соотносились с «взрослым» творчеством этих замечательных литераторов: они были своего рода проекцией личностей такого масштаба в мир детства. Не случайно с первыми двумя авторами Мая Митурича связывали и творческие, и дружественные отношения, а иллюстрации к «Маугли» считают событием не только в детской книге, но и в советской графике².

Свои изящные и полные юмора рисунки к детским книгам Май Митурич порой называл «озорное рисование». Развивая его терминологию, хотелось бы уже в станковой графике внимательнее рассмотреть другие оттенки его творчества: «лирическое» и «философское» рисование.

Художник признавался, что всегда с особым наслаждением работал над пейзажами и считал этот жанр в своем творчестве самым важным. И эта выставка фокусирует внимание на той грани творческой жизни Мая Митурича, которая прежде не рассматривалась специально, но составляла значительную, как по времени, так и по результатам, ее часть – на путешествиях, во время которых и писались пейзажи.

Май с отцом Петром Митуричем в Судаке

© Хромченко С.М. 2015

© Государственный музей Востока. 2015

© Астраханская государственная картинная галерея имени П.М. Догадина. 2015

Более полувека, с 1951 года, Май Митурич почти ежегодно по несколько месяцев проводил вне мастерской. Маршруты путешествий зачастую пролегли по восточным окраинам страны, где жизнь всегда текла иначе.

Так заведено было еще в семье родителей. Петр Митурич и Вера Хлебникова зимой много напряженно работали (и зарабатывали скудные деньги, рисуя разного рода плакаты, листовки, стенды и выполняя другие оформительские работы – творческих заказов случалось мало), а летом непременно уезжали куда-нибудь на простор, в деревню, или, если позволяли средства, подальше, к югу, к солнцу, свету.

Там, вдали от городской суетности, чиновничьих придирок, политических, социальных и бытовых проблем можно было отдаться созерцанию природы, напитать себя и свои творческие работы свежими и точными впечатлениями от ее вечной и первозданной красоты.

Может быть Маю Митуричу, племяннику поэта Велимира Хлебникова, передалось вместе с генами странничества, с ощущением внутренней свободы и стремлением раствориться в просторе, понимание искусства не как изображения или выражения действительности, а как открытия в себе ощущения сопричастности мирозданию, слияния с ним.

И хотя Май Петрович не писал стихов, его мироощущение было глубоко поэтичным. И, собираясь в очередное путешествие, он мог бы с полным правом и без пафоса (который ему был абсолютно чужд), повторить слова своего дяди:

Мне мало надо!
Краюшку хлеба
Каплю молока.
Да это небо,
Да эти облака!

В путешествиях Май Митурич не стремился к обилию впечатлений, иногда подолгу жил на одном месте, вникая в краски и ритмы природы, ожидая,

Май и Эра в Махачкале. 1953

пока экзотическое не станет привычным, пока энергия первых эмоций не сменится тишиной созерцания. И в конце концов отбирал скупые, но одновременно очень точные средства, выражающие характер именно этой части земли, ее «Genius loci».

Творческие установки Май Митурич унаследовал от отца. Об этом свидетельствует цитата из письма Петра Митурича, написанного в 1953-м, в самый разгар социалистической эпохи: «Очень хорошо, что не гонишься за «интересными» темами и сидишь на месте... Старайся создавать красивые композиции, а не списывать с природы предметы. В рисунке карандашом или кистью избегай штриховых полутонов. Нажимом линии выражай все цветовые и световые характеристики.... Моторная мазня по предметному списыванию с природы не приводит к хорошим результатам».³

Тон письма свидетельствует о деликатном, отношении отца-художника к сыну-художнику, уважении к его мироощущению и в то же время демонстрирует неукоснительное следование имманентным принципам искусства, а не идеологическим директивам. И Май Митурич этой программе никогда не изменял. В те годы, и позже такое удавалось немногим.

Вероятно, письмо было откликом на самостоятельное путешествие Мая Митурича по ДАГЕСТАНУ в 1951 – 1953 годах. В Махачкале жили родные Эры, сокурсницы и первой супруги Мая Петровича. Ее дядя Григорий Захарович Росин был директором махачкалинского музея и устроил молодых художников в этнографическую экспедицию⁴. Это задание позволило Маю Митуричу побывать в отдаленных аулах, и хотя зарисовок одежды, утвари, орнаментов, украшений приходилось делать очень много, удавалось порисовать и для себя. В рисунках, выполненных уверенно и выразительно, тушью и скупю включающих цвет, запечатлена преимущественно архитектура аулов – сросшиеся с горным ландшафтом постройки, не похожие друг на друга.

Поразил Митурича и бытовой уклад. Согбенные старухи не могли вынести зрелище нагруженного рюкзаками и папками мужчины, почти силой отнимали ношу и убегали по крутым тропинкам вперед⁵.

Май в Туве. 1962

Можно предположить, что вслед за отцом, авторитет которого был непререкаем, Май оставлял только самые удачные работы. «Над станковыми опытами нависала тень недостижимо высоких критериев, требований отца»⁶, – вспоминал он.

Десятилетия спустя, в 1987 году, СЕВЕРНЫЙ КАВКАЗ, теперь уже ОСЕТИЯ, видится художнику лиричным, прозрачно-серебристым краем, где воздух наполнен нежным туманом, окутывающим и растворяющим древние сторожевые башни и старое кладбище с каменными склепами на гребне горы, за которым, через ущелье, снова тающие в жемчужной пыли горы.

ПАМИР в акварелях и рисунках 1972 года предстает иначе – непрозрачным монолитом, написанным плотно, глухим цветом. Заполняя почти все пространство листа, горы, кажется, вытесняют и небо, и воздух, и людей, которым остается узкая, как просцениум, площадка у их подножия.

И совсем не по-рериховски увидел Митурич в 1996 году долину Кулу в ГИМАЛАЯХ. Контуры гор растворялись в воздухе, в солнце... В то время как коллеги ходили на этюды, Митурич нашел укромное место, где не мешали любопытствующие. Перед ним раскрывался вроде бы один и то же ландшафт – «немножко в одну сторону, немножко в другую».⁷ Однако в работах нет и намека на однообразие, монотонность: для истинного живописца – ландшафт неисчерпаем по краскам и настроениям. И рисование с натуры запечатлевает не только состояние природы, но и состояние художника в этот конкретный сеанс. Розовато-голубые, серые, в дождевой пелене, или сумрачные, окрашенные багряными закатными лучами, горы словно были его чуткими собеседниками. И в этом собеседовании родились замечательные работы.

Рисунки, сделанные в ТУВЕ, в 1962 году, а затем переведенные в линогравюры и литографии, выделяются в контексте искусства тех лет, с его упрощенностью идей и угловатостью форм, поскольку сознательное ограничение в выразительных средствах компенсируется виртуозностью их использования. Взгляд художника несколько отстраненный, издали охватывает ландшафт сразу, в совокупности, в сложной полифонии форм, ритмов,

Май с лайкой Чуной. 1962

линий, в непредсказуемой и случайно складывающейся в этот миг гармонии.

Спокойное и могучее дыхание земли выражено открытым контрастом черной туши и белого листа. Тушь ложится то темными пятнами-заливками, то пластичной густой линией охватывает крупные формы сопков, островов, речных излучин. Порой абрис крыш поселка или деревьев проступает уже как белый на черном. Характер линий позволяет ощутить глубину пространства, шершавость горного склона, хрупкость березок или лиственниц.

В листах, выполненных в стойбище, пятна туши волшебным образом преобразуются в общую плоть оленьего стада, теплую, подвижную, несущую в себе ощущение архаической связи всего живого, которую так остро ощущал Велимир Хлебников. В 1970-е была выполнена серия изящных цветных автолитографий «Саяны».

Путешествия по восточным окраинам дарили художнику встречи с колоритными героями: охотниками, оленеводами, рыбаками – людьми, живущими другими заботами, самодостаточно, по-своему счастливо, но в совершенно другой «системе координат». Так бывший лама Кол-Дуганчи давал наказ Маю Петровичу: «Приедешь в Москву – сходи в Ленинград, там ведь близко, и передай привет моему другу, геологу Юре!»⁸.

В кругу таких людей совсем иначе воспринимались и городская суета, и чиновничий произвол, и нападки со стороны соратников – ревнителей реализма в его тогдашнем понимании.

Вспоминая о ярких эпизодах путешествий и путевые зарисовки поддерживали по возвращении в город, и служили своего рода камертоном достоверности, когда уже в Москве, впечатления складывались в иллюстрации или циклы эстампов. А потом новая поездка открывала не только новый мир, но и новые нюансы в уже привычных материалах.

Отправляясь в СРЕДНЮЮ АЗИЮ в 1965 году, Митурич и его друзья стремились застать цветение пустыни, но опоздали. Однако путешествие получилось насыщенным: Бухара, Маргилан, Аральское море... Пожалуй, архитектурная геометрия восточного города не сильно увлекла художника, зато впечатлила природа – неустанно стремящиеся к небу деревья оазисов.

На Алтае. 1980

Тушь и кисть передают эффект слепящего солнца и кружевного прохладного сумрака под их кронами. В расположении ветвей Митурич, отчасти проникнувшись ритмами декоративного азиатского искусства, увидел сходство с причудливым узором. А штриховые рисунки, лишённые напряженных тоновых контрастов, создают ощущение тающих в раскаленном сухом мареве кварталов старого города или барханов пустыни.

Природа АЛТАЯ в 1980-м, как отмечал сам художник, привнесла в его палитру ясность, прозрачность. Слойми изумрудно-зеленой, голубой, нежно-розовой акварели Митурич «омывает» долины, холмы, облака. Их границы бережно закрепляются подвижным многослойным и многоцветным контуром. Пространство раскрывается вверх, в стороны, в бесконечность. Акварель прозрачна, светоносна, оттого и мир алтайских работ кажется особенно нежным и ликующим.

Пейзажи КРЫМА – Гурзуф, Бахчисарай, Судак «нежный в воздухе и суровый по своим формам»⁹ и другие места, где Митурич бывал с отцом, и где раньше бродил Велимир Хлебников, напротив, лаконичны. Белый лист воспринимается и морем и горами и небом, а скупые, тщательно выверенные «вторжения» кисти в поверхность бумажного листа, лишь отмечают границу гор, волн, архитектуры.

Путешествия позволили Митуричу сделать ряд книг, в которых пейзажные иллюстрации, обладая особой степенью достоверности и выразительности, выступают на равных с текстом или становятся основным содержанием книги. К этой группе относятся «Командорские острова», текст которой написал он сам, «Олени в горах» Геннадия Снегирева¹⁰ и другие книги этого автора, а также «Маугли».

По словам художника именно в БАТУМИ, забираясь в дебри ботанического сада, вслушиваясь в таинственные шорохи и глухие звуки падающих

На Хоккайдо. 1994

цветов магнолии, он ощущал себя если не в бескрайних, то все же настоящих джунглях. «Во влажном, пронизанном бегущей сеткой бликов сумраке, казалось, вспыхивали горящие глаза»¹¹. Батумские впечатления оживили воспоминания о прочитанной художником в детстве книге «Маугли». Сами иллюстрации, в которых главным героем станет красочный образ Индии – страны волшебной, непостижимой для европейца, пугающей и манящей одновременно, возникнут позже. А тогда, в 1970-м, первым импульсом стали литографии, в густоте черных упругих мазков которых ощутима и сочная зелень экзотических деревьев, и густой воздух, напоенный цветочными ароматами.

Отдельная тема путешествий Мая Митурича – ЯПОНИЯ. Начиная с 1993 года он бывал там неоднократно и подолгу. Жил на севере страны, на Хоккайдо, гостил у друзей – тоже художников, побывал в других частях Японии. В результате появились замечательные пейзажи Японии, написанные акварелью или тушью. В России были изданы сборники японских сказок с иллюстрациями Митурича, в Японии с его иллюстрациями была опубликована русская детская классика. Совместно с японском каллиграфом Рюэки Моримото был осуществлен знаковый проект «Точки соприкосновения», объединивший графику, каллиграфию и поэзию Мацуо Басё¹². Такой длительный и плодотворный контакт не случаен. Он порожден каким-то глубинным созвучием мировоззрения Митурича и японской культуры, сходным отношением к природе, к течению времени, к жизни. Способность быть адекватным великому и вечному и ощутить его в преходящем, частном, малом – нить, которая соединяет индивидуальность художника с тем, что является одной из существенных составляющих японской культуры.

Митурич не повторяет приемы дальневосточных художников, не подражает им. Близость к природе, постижение ее закономерностей рождает сходство в способах ее передачи. «Японскую культуру я не изучал, а старался почувствовать» – говорил Митурич. – «Меня не привлекает цивилизация, современная архитектура не очень интересна для меня, как художника, хотя урбанизированная среда Японии, конечно, впечатляет. Но тянет меня “к вечным берегам»,»¹³.

Природа в его произведениях не иллюзорная, а претворенная. Прикосновение кисти к бумаге, «след кисти» выразителен и сам по себе и одновременно является склоном горы, веткой дерева, облаком. Кисть, напитанная акварелью или японской тушью, образует мазки и широкие поверхности с едва заметными нюансами тона. Их границы – резкие, четкие, написанные «по сухому» или размытые, тающие – позволяют ощутить глубину пространства, состояние атмосферы, плотность земной тверди.

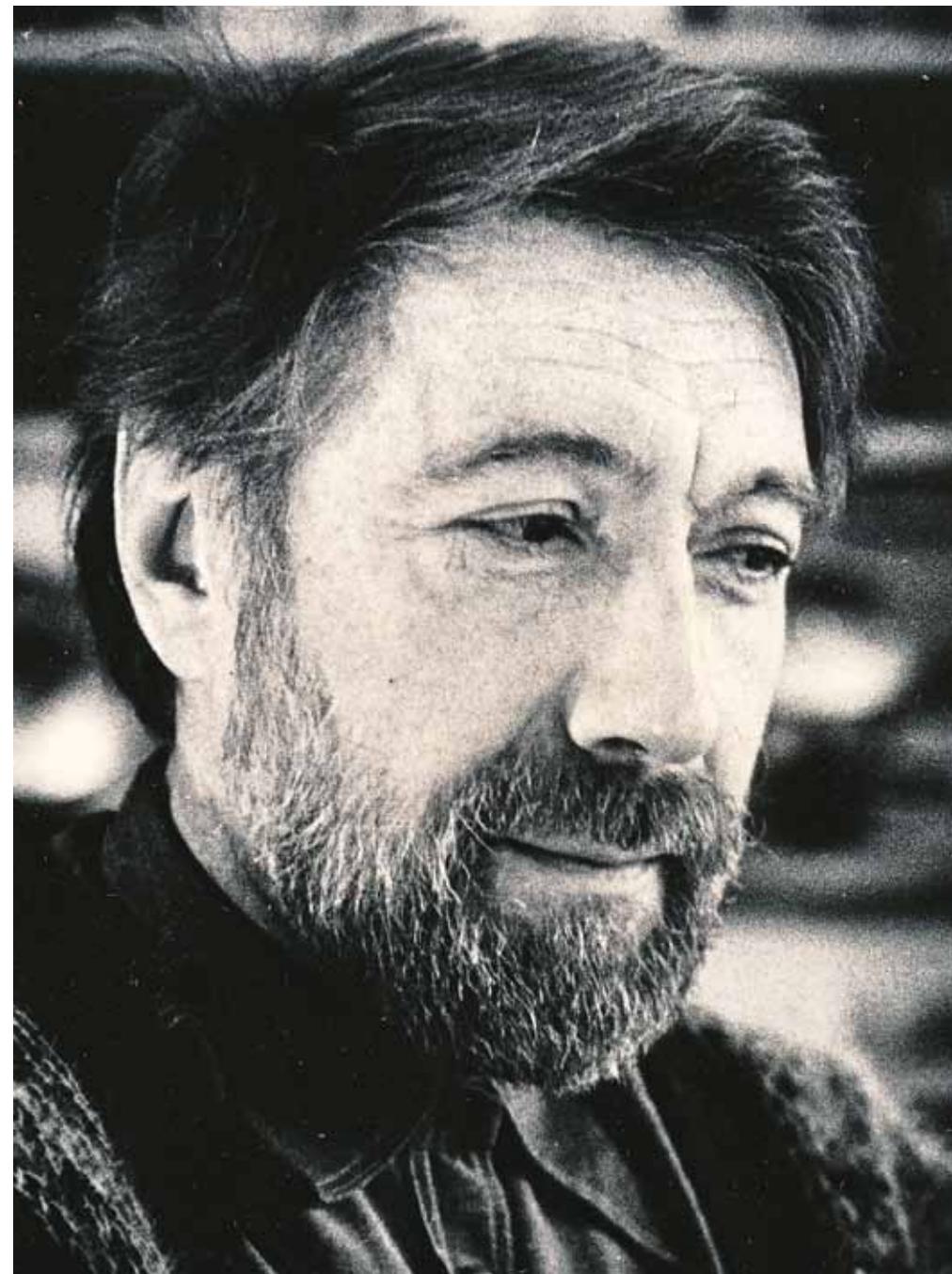
Каждой работе, как и прежде, предшествовал период длительного наблюдения, вживания в природный мотив, а сам процесс работы был относительно скор, что тоже роднит метод художника с работой дальневосточных мастеров.

Наблюдать и воссоздавать непредсказуемую игру форм и линий, тончайшие изменения состояния атмосферы, закаты, туманы, пену прибоя Май Митурич умел как-то особенно просто и точно, не акцентируя мастерское владение различными техниками, не подчеркивая нарочитых эффектов композиции. Он не уставал писать один и тот же ландшафт на протяжении нескольких дней, каждый раз по-новому.

Предпочитая уголки природы, не затронутые цивилизацией, он никогда не навязывал свое видение, а предлагал разделить его, ощутив сосре-

точенную и созерцательную тишину, которая сопутствует чуду рождения искусства.

- ¹ Деятельность М. Митурича (1925-2008) гораздо разнообразнее: он был педагогом, автором (совместно с О. Дувидовым), росписи в Палеонтологическом музее РАН, за что был удостоен Государственной премии РФ (1993) и серебряной медали АХ СССР (1987). М. Митурич проиллюстрировал около 100 книг, изданных не только в России, но и за рубежом: во Франции, Финляндии и особенно в Японии. За иллюстрации к книге С. Маршака «Стихи для детей» он был удостоен серебряной медали и диплома Международной выставки искусства в Лейпциге (1967); за иллюстрации к книге К. Чуковского «Краденое солнце» – серебряной медали и диплома Международного биеннале иллюстраций детской книги. Братислава (1967).
- ² М. Чегодаева. Страницы истории советской живописи и советской графики. М., 1984. С. 132 – 133.
- ³ Май Митурич. Записки художника. М., 2009. С. 10.
- ⁴ М. Чегодаева. Заповедный мир Митуричей - Хлебниковых. М., 2004. С. 359.
- ⁵ М. Чегодаева. Там же. С. 359.
- ⁶ М. Чегодаева. Там же. С. 360.
- ⁷ М. Митурич. Записки художника. М., 2009. С. 246.
- ⁸ М. Митурич. Записки художника. М., 2009. С. 56.
- ⁹ М. Чегодаева. Заповедный мир Митуричей - Хлебниковых. М., 2004. С. 222.
- ¹⁰ «Нельзя сказать про эту книгу, что она иллюстрирована Маем Митуричем. Чтобы так нарисовать, мало быть таким большим и тонким мастером рисунка, как Митурич, нужно самому видеть и чувствовать и тайгу, и океан, и пустыни. Снегирев и Митурич по самой своей сути – путешественники. [...] Совершенно реальные и точные вещи в рассказах [...] воспринимаются как сказка, а Снегирев и Митурич – как проводники по чудесной стране, имя которой – Россия». К. Паустовский. Предисловие к книге Г. Снегирева. «Олени в горах». М., 2006. С. 5.
- ¹¹ М. Митурич. Записки художника. М., 2009. С. 143.
- ¹² Выставка «Точки соприкосновения» проходила в ГМВ в январе 2002 г.
- ¹³ Из интервью художника, частично опубликованного в статье: С. Хромченко, А. Юсупова. Соприкосновения. (Май Митурич, Рюсэки Моримото) – Восточная коллекция. М., 2002. № 1 (зима). С. 142 – 147.

МАЙ МИТУРИЧ АЛЬБОМ

ОТРЫВКИ ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ

«В экспедицию, в горы я отправился с восторгом. Правда, экспедиционное начальство сильно загружало обязательными заданиями, и я, рисуя утварь, посуду, украшения, одежды мало что успевал рисовать для себя. Но само путешествие было незабываемым. Обильные урожаи найденных объектов мы не успевали зарисовывать, и основная группа экспедиции уходила вперед».

«Горные пейзажи манили и восхищали. Порою я улучал время для рисования, но чувствовал себя не готовым еще к самостоятельной работе».

«Тот год был для Тувы не совсем обычным. В краю был неурожай кедр, орешков, которыми кормилось таежное зверье, в том числе и медведи. Голодные медведи стали агрессивны. У меня хранятся несколько тувинских газет с описанием «медвежьего нашествия», нападения на поселки. В поисках пищи медведи разрывали кладбище. Запомнился рассказ об известном в тех местах охотнике Огневе, которого съел медведь. «Оставил один бюст». Убили медведя и вблизи поселка. Трактором приволокли в поселок, и охотники волокли к нему визжавших, упиравшихся в ужасе собак для притравы. Я успел убитого медведя порисовать. Словом, медведи были главной темой поселковых новостей. Но когда мы ушли в тайгу и у костра заводили разговор о хайрокане – медведе, тувинцы умолкали. “Не надо, хайрокан услышит, придет!”»

«Чахлая реденькая тайга сменилась зарослями карликовой березки. Ночные заморозки окрасили мелкие, как копеечки, березовые листики в пурпурный цвет. Огненные ковры березки оттенялись белыми коврами мха, ягеля – любимой и единственной пищи северных оленей. И над сверкающим великолепием этих ковров высились одиночные могучие кедры. Вырастая на просторе, кедры эти тянулись не только ввысь, но и вширь. Жители называют их «лазовыми», потому что по могучим, чуть не от самой земли торчащим в стороны сукам легко забираться, лазить на них при сборе орехов».

«Какими же незабываемыми, чудесными были эти дни среди оленей! Одни лишь рога, построенные по единой закономерности, но такие разные, надолго могли завладеть вниманием художника. И отдельные группы оленей на пастбищах, то почти растворяющиеся на белом ковре ягеля, то контрастно силуэтные на красном фоне березки. Сами березки, извилистые, стелющиеся ветвями по земле».

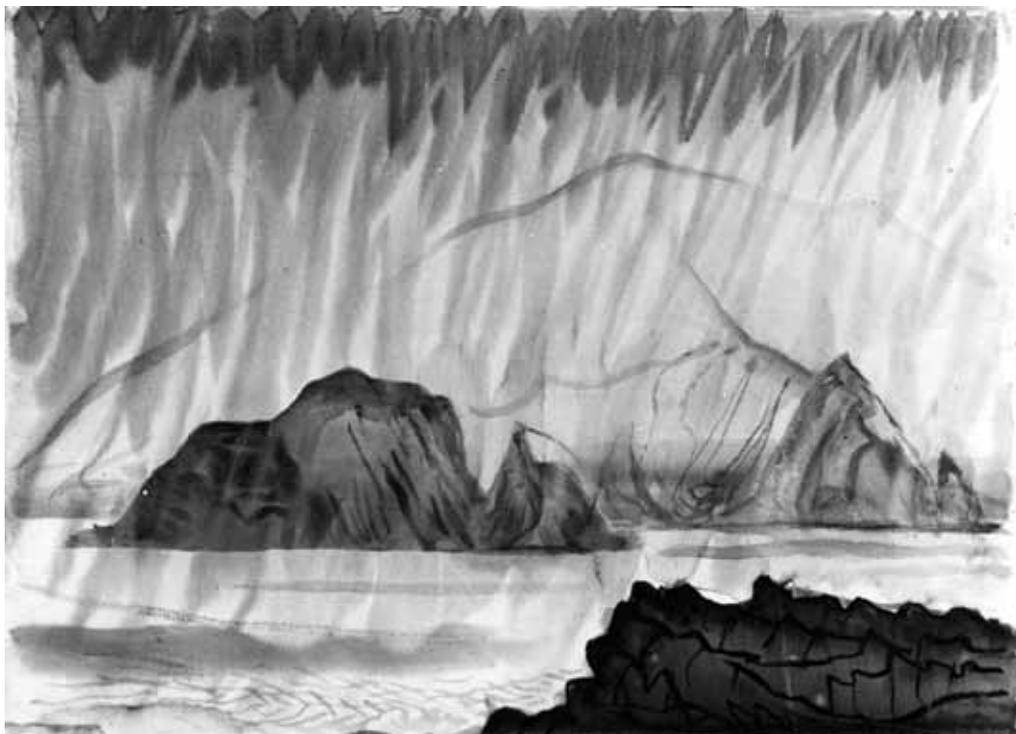
«Не имея возможности останавливаться в каждом любимшемся месте, я делал наброски по ходу лодки. В разбоях, когда берега отодвигались, и бег лодки казался не таким стремительным, удавалось делать и более длительные зарисовки. Ну и утром, вечером на привалах».

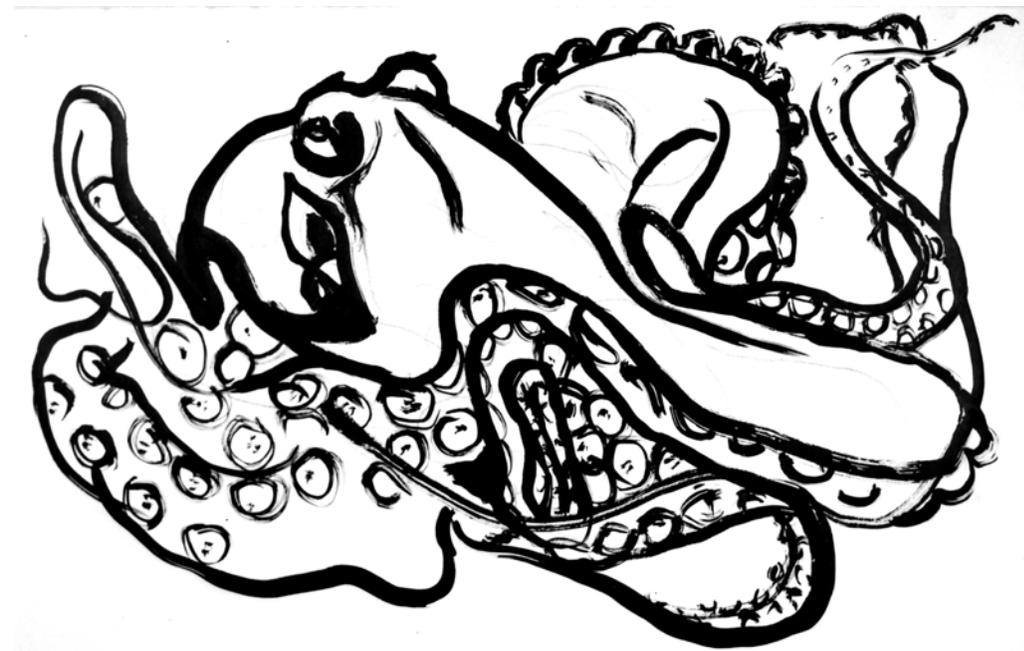
«Тоора-Хем был много больше и цивилизованнее Хамсары. Но стоило выйти за поселок, подняться на горку, как открывался величественный вид на Енисей, на обрамлявшие реку спокойные силуэты, волны гор. Также и Тора-Хем оказался замечательным, привлекательным местом для работы».

«Итак – озеро Азас. Тяжелая, голубовато-сизая вода обрамлена бахромой поросших озолоченными лиственницами холмов, гор. Поселились мы у гостеприимных рыбаков. Рыба ловилась хорошая, в основном сига. “Ешьте, ребята, – угощала нас хозяйка, – рыбы у нас много, хоть жопой ешь!” Заготавливая, засаливая рыбу, рыбаки потрошили ее, и потроха вываливали перед домом на дорогу. И вот к потрохам повадился ночами медведь. На узкой полоске берега поставили медвежьи капканы, но медведь обошел их, отметив кучкой помета – наполовину розового от брусники, наполовину черничного. Дом стоял на узкой, далеко рассекавшей озеро косе. И вместе с рыбаками, мы цепью отправились прочесывать косу. Бежавшая рядом Чунка обшаривала заросли кустарника. Казалось, и зайцу, не то что медведю негде было укрыться. Но мы так и не нашли его».

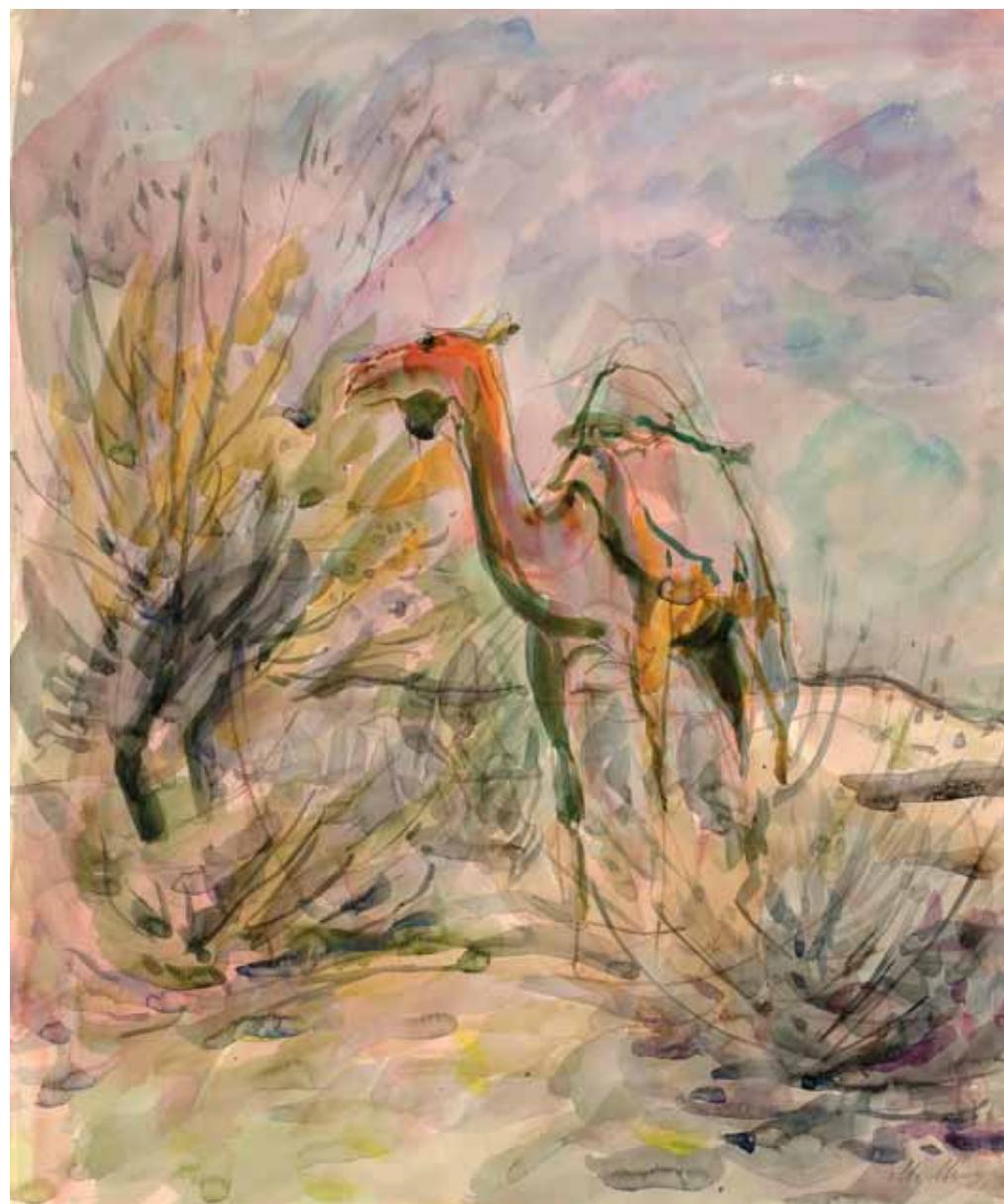
«Во Владивостоке мне не было интересно, и мы отправились морем на Сахалин. <...> высадка на остров Монерон была замечательной. Нас доставил туда пограничный катер, с обещанием взять обратно через несколько дней. Высаживаясь, мы как-то даже не поинтересовались, насколько остров этот обитаемый. И зря. На острове были люди, но это была киногруппа, занятая съемкой осьминогов. Им до нас не было никакого дела. Мы же высадились без всяких спальных вещей, почти без продуктов, надеясь на какой-то подножный корм. Но ни корма, ни теплого угла для нас там не оказалось. Киношники жили в палатках и лишних мест у них не было. Но, согреваясь на солнце после мучительно холодной ночи, я с удовольствием рисовал. Особенно – большого осьминога, которого киношники держали на берегу в огромном аквариуме для съемок.

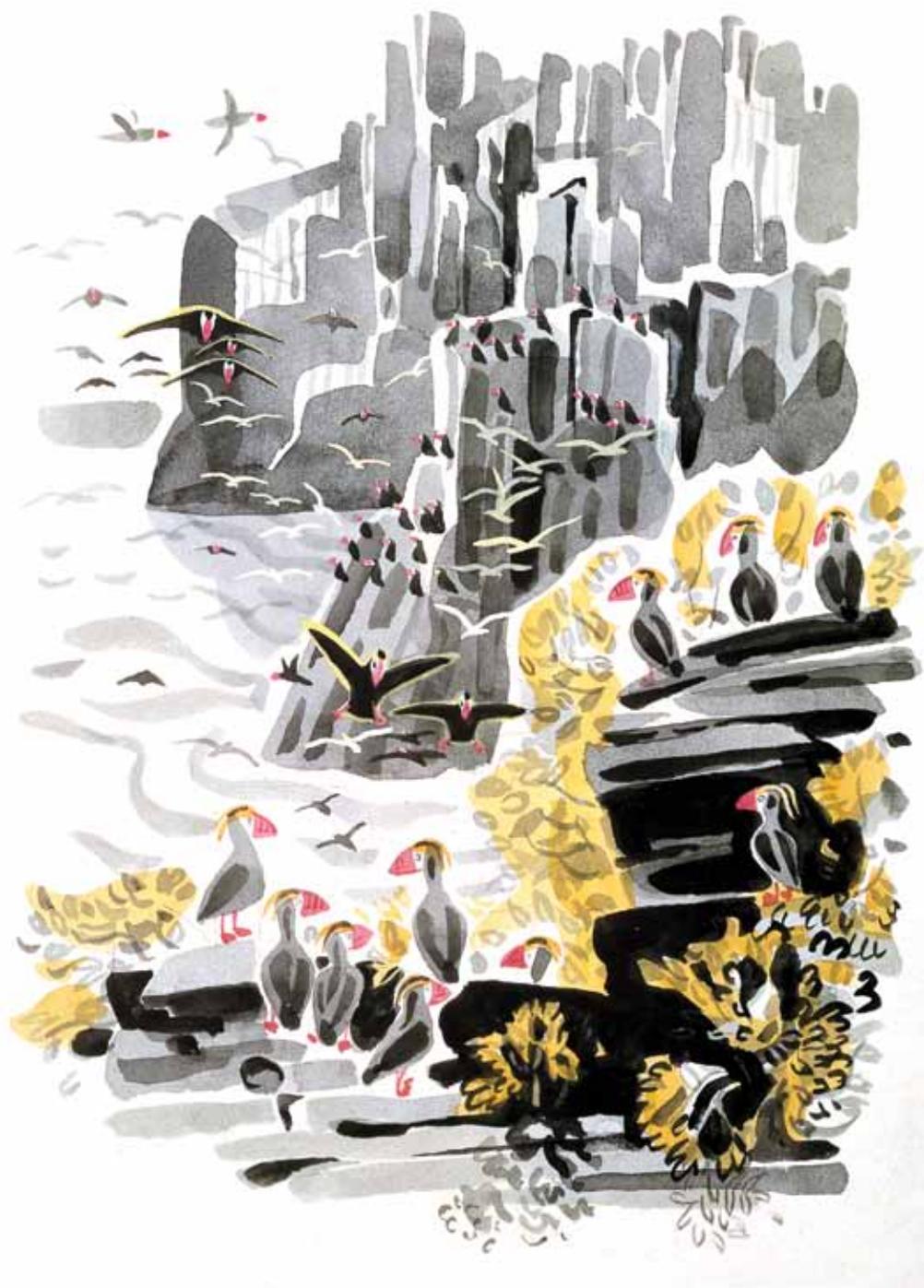
Осьминогу нужна была свежая кислородная вода, и все по очереди черпали ведрами воду из океана, освежали аквариум. Видя бедственное наше положение, киношники все же сжалились, дали какой-то брезент для укрытия. Немного и подкармливали из своих запасов. Где-то с другой стороны острова был еще маяк, но прохода, не говоря уж о дороге туда не было. И как бы хорошо ни рисовалось мне, мы стали поглядывать на море. Не забудут ли нас тут пограничники? И когда катер все же появился, я чувствовал себя спасенным Робинзоном».

«Нам хотелось в море – увидеть китов. И мы ушли на «Тайфуне» на охоту. Погода не баловала. Штормило. И в тумане ничего не было видно. Так кружили мы в океане около двух недель. Скучала команда, скучал гарпунер Леша Гвоздик, скучали и мы. Хотя я рисовал портреты и Гвоздика, и капитана, и других».

«Сначала мы добрались до Аральского моря, чтобы застать цветение степи, но опоздали и перебрались в Хиву, в Маргилан. Поездка была тоже довольно экзотичной. Даже ездили по знойной пустыне верхом на верблюде».

«...я настроен был на акварель, а воздух был настолько влажен, что все, что делал я, не засыхая, стекало куда-то, не высыхая никогда. Пылинки влаги висели в воздухе, делали мокрыми волосы, одежду, в доме – простыни, постель – все было влажным, даже мокрым. Только грибы прекрасно чувствовали себя в этом климате. Пока самолет заправлялся, чтобы улететь обратно в Петропавловск, летчики успевали набрать прямо на взлетной полосе по мешку грибов! А ведь на острове не росло ни одного дерева. Только кочки, болота и кочки, и всюду грибы».

«В Батуми на Зеленом мысу, в стороне от главных дорожек есть глухие заросшие уголки. Солнце не может пробиться здесь сквозь тугое переплетение листья и ветвей. В душноватом мраке я устраивался рисовать. Прислушивался к шорохам, вздрагивал от шума падения тяжелых цветов камелий. <...> По батумским мотивам я сделал серию литографий, в которых пытался выразить оказавшуюся для меня притягательной странную мощь чуждой для северянина тропической растительности. Позднее, при взгляде на эти листья, сами по себе не имевшие ничего «детского», мне снова и снова приходили на память таинственные джунгли детства».

«...И последний мой, наконец-то вполне благополучный опыт «руководства» состоялся в разъездной группе в Кабардино-Балкарию и Осетию. В группе собрались в основном милые и серьезные художники. Особенно запомнилась Осетия с саклями-крепостями, с высокими башнями. И хорошо работалось в осетинском селении Феогдон. Путешествия наши продолжались до холодов, до снега. В Зарымаге в жилище нашем замерзала ночами вода».

«Мы долнетели до Дели, проехали значительную часть Индии по горным дорогам и добрали до поместья Рериха в долине Кулу. Мы жили не в самом поместье, а рядом, в экзотическом бывшем дворце магараджи, который был превращен в гостиницу. <...> Дворец этот размещался над крутым и очень высоким обрывом, внизу были какие-то поля, и было видно как там люди что-то делают, но это было очень далеко. <...> Это было чудесное время для работы».

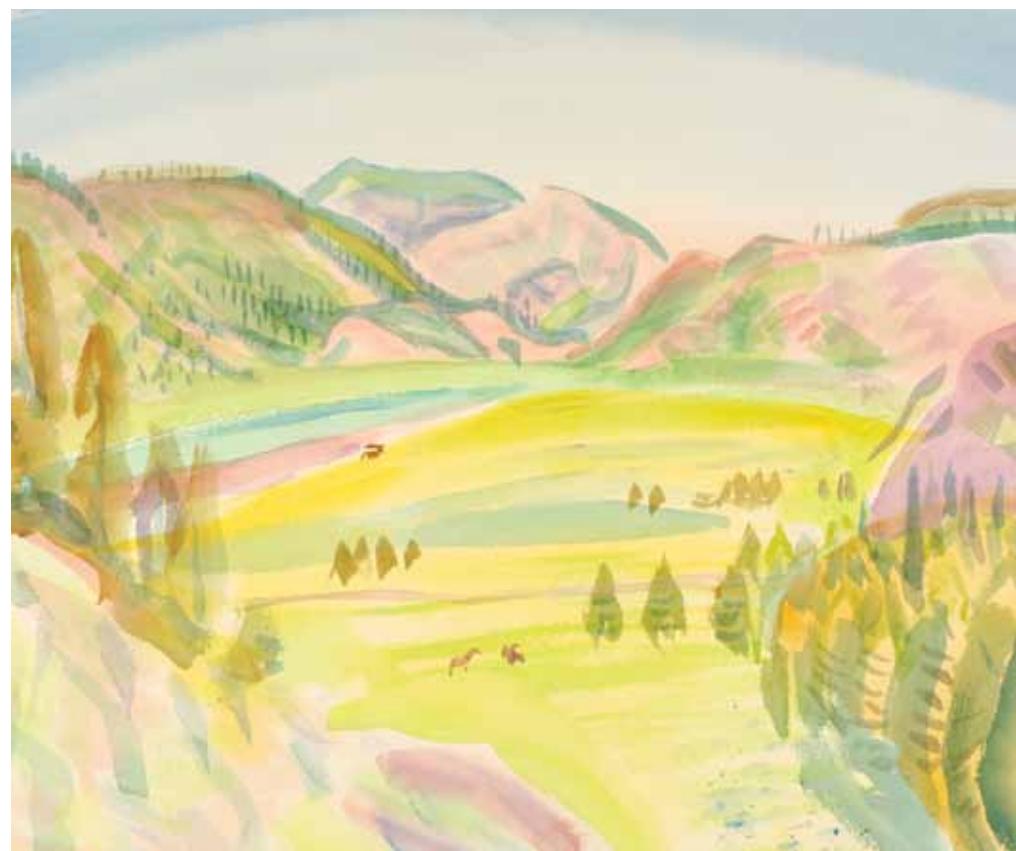

«Иное дело – Цейлон. Дорога от Коломбо до Канди, древней столицы Цейлона, пролегла горными джунглями. В желтой воде илистых рек туземцы купали слонов. Ребятишки совали в окна автобуса летучих собак, ящериц, другую чудесную живность в надежде продать. Хотя бы обменять на карандаши. Почему-то карандаши были в большом спросе, служили как бы валютой. Перед поездкой кто-то предупредил об этом, и я, запасшись карандашами выменял кое-какие драгоценности – к примеру два черепаших дивной красоты панциря. Малых моих туристических денег хватило и на покупку замечательной ритуальной маски в виде попугая с султаном из кобр.

Поездки эти утвердили меня в зародившемся еще на Зеленом мысу намерении иллюстрировать «Маугли». В отличие от Ватагина, который рисовал персонажей практически без среды, мне хотелось сделать главным героем «Маугли» – «Книги джунглей» – сами джунгли, конечно, с их обитателями».

«За не очень широким рубежом Пянджа хорошо был виден безлюдный афганский берег, жилища афганцев – полуземлянки без окон, с плоскими кровлями. Вдоль обрывистых берегов – овринги – искусственные тропы, полки, вбитые в отвесную стену скалы, на которых уложены были ветки, прутья, засыпанные щебнем, землей. По тропам этим, как мухи по стене, пробирались лишь ослики с поводырями-пограничниками. Пограничникам скучно было в безмолвии гор, и они приняли нас радушно, по возможности исполняли желания, отвозили в самые примечательные места».

«Друзья отвезли нас в алтайское селение Кулада и уехали домой. <...> Окрестности села были чудесными. Я облюбовал для этюдов скалы у берега речки, вернее, сети речек, петляющих по многим руслам. Держась чуть поодаль, у речки разгуливали журавли».

«Изумрудная, будто бы первая весенняя трава долины омывала розовые горы, купавшиеся в нежнейшей лазури. С каждого места писать хотелось снова и снова, светлее и светлее, так, чтобы не было ни мазочка грязи. Мне кажется, что там, на Алтае, в Куладе осветлилась моя акварельная живопись. Там избавился я от грязи, мути, которые долго преследовали меня в акварельной живописи».

«С волнением ступили мы на берега знакомого по школьной истории Евфрата. Впечатляла и розово-красная пустыня, где как бы снегом лежали несчетные пластиковые упаковки от хлеба и других продуктов. Побывали и в Алеппо, в пещерных храмах, жилищах первых христиан. На всемирно известных восточных базарах – Хомадия в Дамаске, и таком же в Алеппо. Где целые кварталы, улицы базара заполнены золотом, серебром, драгоценными камнями».

«Мягкая, непривычно снежная японская зима очаровывала. Я много делал акварелей прямо на воздухе, ища лишь какой-нибудь навес, укрытие от снега».

«Для работы акварелью мне понравился обширный парк, путь до которого был не очень далек, но по жаре и все время круто в гору. Сверху, с горы открывался вид на море. В парке этом было четыре храма. Около каждого тщательно подстриженные садики, прудики с золотыми рыбками, карпами. Но за все время мы не видели ни одного священника, ни одного молящегося».

«...там есть маленькие кусочки рисовых посадок, устроены клинышки в горах, но главный их как теперь говорят «бренд» – это сливы, которые они выращивают на склонах гор. Какой-то сорт слив, которые так не едят, они кислые, а маринуют, и это очень популярная закуска по всей Японии. Они снабжают всю Японию этим сортом слив. Там даже музей слив есть в виде бетонной кадки, в которой они маринуют эти сливы. Это происходит с давних времен, в музее есть старинные гравюры, рисунки, на которых занимаются этими сливами еще чуть не в средневековые времена, так что это давняя традиция. И говорят, что весной, когда цветут эти сливы это необычайно красиво, и кроме любования сакурой ездят туда, чтобы посмотреть, как цветет слива. Но мы были в октябре, когда уже не было ни цветов, ни слив».

Выставка «МАЙ МИТУРИЧ. ПУТЕШЕСТВИЯ НА ВОСТОК»,

ГМВ, июнь 2015

Куратор выставки: Светлана Хромченко

Издание приурочено к одноименной выставке, акцентирующей внимание на путешествиях замечательного отечественного художника, мастера книжной иллюстрации Мая Петровича Митурича (1925 – 2008). Произведения, предоставленные семьей художника и Астраханской картинной галереей им. П.М. Догадина, дополненные отрывками из воспоминаний самого художника, позволяют яснее осознать истоки его мудрого и поэтического взгляда на мир.

Составители каталога: Светлана Хромченко, Вера Митурич-Хлебникова

Редактор

Корректор

Макет и верстка: Мария Сумнина

На обложке: В Хиве. Шелкография. 1996

Хромченко С.М. Май Митурич. Путешествия на Восток
Каталог выставки. М.: ГМВ, 2015